

Известно, что Циолковский разрабатывал теорию освоения космического пространства, вдохновленный идеей Н.Федорова о всеобщем воскрешении. В системе их взглядов было много общего: выход человечества в космос, регуляция природных стихий, освоение околосолнечного пространства, заселение иноземных миров. Циолковскому удалось перевести идеи полета в космическое пространство из области фантастики в реальность.

Идеи Циолковского, в свою очередь, вдохновили С.П.Королева, посвятившего свою жизнь практическому решению проблем космонавтики.

Начало космической Эры именно в России (Советском Союзе) было не случайностью, а закономерным этапом всей предшествующей русской космической мысли, предопределенной историей русского народа и российского государства. Именно русский космизм впервые в истории мировой мысли выдвинул идею единения людей на основе нового экологического мышления (задолго до современных экологических проблем).

Есть некое связующее начало в самих именах выдающихся русских космистов: Н.Гагарин (Н.Федоров был внебрачным сыном кн. П.И.Гагарина) – К.Циолковский – С.Королев – Ю.Гагарин.

Центральная идея русской космической мысли о всеединстве и сегодня остается актуальной как универсальная русская идея, способная объединить нацию для решения проблем модернизации общества на пути к лучшему будущему страны.

УДК 115

ОНТОЛОГИЧЕСКИЕ ОСНОВАНИЯ ПРОЕКТА «ОВЛАДЕНИЯ ВРЕМЕНЕМ» В.Н. МУРАВЬЕВА

Дёмин И.В.

Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П.Королева
(национальный исследовательский университет), г. Самара

Трактат «Овладение временем» В.Н. Муравьева занимает уникальное место в контексте русской и мировой философии. Развивая основные положения «Философии общего дела» Н.Ф. Фёдорова, В.Н. Муравьев разрабатывает оригинальную концепцию времени, по сути, не имеющую аналогов в европейской философии.

В данной работе мы рассмотрим онтологические основания проекта «овладения временем». Рассмотрение онтологических оснований предполагает экспликацию понимания бытия, фундирующего философские построения автора.

В понимании бытия сущего В.Н. Муравьев близок к философии жизни. Можно усмотреть также определённые сходства с онтологией Н. Гартмана и персонализмом (Н.О. Лосский). С онтологией Н. Гартмана В. Муравьева роднит выделение «слоёв» или уровней бытия и трактовка соотношения этих уровней.

Всякое сущее рассматривается как «действующая система» (здесь можно провести параллель с понятием «субстанциального деятеля» в персоналистической онтологии Н.О. Лосского). Бытие трактуется как жизнь системы. При этом Муравьев различает два фундаментальных состояния (модуса) жизни – «стихийное» (спонтанное) и «сознательное» («разумное», «осознанное»). Но между этими состояниями нет никакой чёткой и непреодолимой границы. В рамках той философии, которую выстраивает Муравьев, предполагается, что всё сущее (всякая система) обладает хотя бы минимумом «сознательности» (организованности).

Важное место в философской концепции В.Н. Муравьева занимает различие между процессом и актом, процессуальностью и активностью. Строго говоря, всякий процесс есть процесс природный, спонтанный. Акт же сверхприроден. Всякий акт – это «овладение временем», упорядочивание, обуздание стихийных природных сил. Но непроходимой

границы между актом и процессом, опять же, нет. По сути, всякий природный (стихийный, спонтанный) процесс – это хотя бы в минимальной степени акт, так как предполагает хотя бы минимальную степень «сознательности» элементов системы.

Что понимается под временем, в чём смысл интенции «овладения временем»? Как соотносится понятие времени с другими важнейшими понятиями философии В. Муравьева – «действующей системой», «актом», «процессом»?

В.Н. Муравьев исходит из утвердившегося в новоевропейской культуре понимания времени как *меры движения*: «Если не везде, где есть отношения вещей, ум предполагает время, - везде, где есть время, ум относит его к изменению вещей, и ничего другого во времени не мыслит и мыслить не может». «Время есть не что иное, как меняющиеся отношения вещей». Время – это время действующей и/или претерпевающей воздействие системы.

Муравьев различает два времени: время стихийное и время организованное, сознательно творимое человеком. Время стихийное – это время природных процессов, «слепое течение времени мирового целого». Вслед за Н.Ф. Фёдоровым, В.Н. Муравьев трактует природу как «смертоносную силу», «смертоносную стихию», которая должна быть преобразована и побеждена.

Время природное, время природных процессов – это время необратимое, это *время умирания*. Тогда как время очеловеченное – это время обратимое. Обратимость – фундаментальная характеристика человеческого (очеловеченного) времени. Под «обратимостью времени» поднимается «принципиальная возможность возвращения бывшего». В основании этой трактовки лежит идея Н. Фёдорова об «активном воскрешении». Природное время В.Н. Муравьев характеризует как время *принудительное и внешнее*. В противоположность этому время обратимое характеризуется как время внутреннее и подвластное человеку.

Преодоление времени (преодоление смерти) включает два аспекта: 1) овладение природными стихиями, преодоление сопротивления (косности) «несознательных» элементов системы; 2) преодоление розни элементов «сознательных», обеспечение согласованности действий.

Проект «овладения временем» В.Н. Муравьева есть, по сути, всё тот же фёдоровский проект «общего дела», проект преодоления смерти, проинтерпретированный в терминах времени.

УДК 82.09

ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ОСОЗНАНИЕ КОСМОСА РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРОЙ

Кузнецова Е.Р.

Самарский государственный аэрокосмический университет имени академика С.П.Королёва
(национальный исследовательский университет), г. Самара

Между учёными и писателями обычно не возникает споров о том, какая картина космоса «более правильная» – художественная или научная. Традиционно считается, что язык науки непереводим на язык художественной речи, а язык искусства не находит адекватного отражения в научной терминологии. Тем не менее, эти две модели мира находятся в постоянном взаимодействии.

Космос Гомера, визуально представленный в отчеканенном виде на щите Ахилла, имеет мало общего с концепциями Эйнштейна, но «Илиада» не устаревает до сих пор. Ведь человек интересуется художника не только в настоящем времени, он входит в искусство со своим прошлым и будущим, вписываясь в пространство микрокосмоса своей эпохи.